

П. С. КУЗНЕЦОВ

О ПРИНЦИПАХ
ИЗУЧЕНИЯ
ГРАММАТИКИ

—1961—

Сдано в набор 18. I 60 г	Подписано к печат 7. XII 60 г.		
Л-90 668	Формат 60×90 ¹ / ₁₆	Печ. л. 6,25	Уч. изд. л. 6,45
Изд № 746	Заказ 81	Тираж 10 000 экз	Цена 40 коп

Издательство Московского университета Москва, Ленинские горы
Типография Издательства Московского университета
Москва, Ленинские горы

П. С. КУЗНЕЦОВ

О ПРИНЦИПАХ
ИЗУЧЕНИЯ
ГРАММАТИКИ

Материалы к курсам языкознания

Под общей редакцией В. А. Звегинцева

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1961

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

КАФЕДРА ОБЩЕГО
И СРАВНИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Грамматика любого языка представляет собой систему форм слов и способов сочетания слов в предложении, существующих в соответствующем языке.

Грамматику языка принято также называть его *грамматическим строем*. Термин *грамматика* употребляется в двух значениях: во-первых, он обозначает самый грамматический строй языка (в данном случае термины *грамматика* и *грамматический строй* выступают как синонимы), во-вторых, он обозначает науку о грамматическом строе. Рассматривая грамматику как собрание правил об изменении слов и сочетаниях слов в предложении, мы имеем в виду как грамматический строй языка, так и науку о нем.

В каждом конкретном языке в любой период его исторического развития действуют определенные правила образования форм слов для выражения значений различного характера и правила сочетания слов в предложении. Так, например, в русском языке в предложении *Я читаю книгу* сочетание глагола с местоимением, показывающим, что действующим лицом является говорящий, выражается формой первого лица единственного числа, характеризующейся наличием окончания *-у* (фонетически *читаю*, *й* относится к основе). Сочетание же существительного, обозначающего объект действия, с глаголом, обозначающим действие, выражается формой винительного падежа существительного, характеризующейся окончанием *-у*. Таким образом, мы здесь имеем дело с определенными изменениями слов (глагола, существительного), которые в соответствующем сочетании должны иметь обязательно такую форму и не могут быть выражены другими формами.

Задача же грамматики как науки состоит в том, чтобы вскрыть и определить правила, существующие в самом языке. Каждый язык имеет свою грамматику, свой грамматический

строй. Однако можно наметить некоторые общие принципы, на основе которых следует изучать грамматику любого конкретного языка как в его современном состоянии, так и в историческом развитии. Несмотря на все различия в грамматическом строе, которые существуют между языками, в грамматике всех языков можно найти нечто общее, что и позволяет вырабатывать принципы изучения, применимые ко всем языкам. Задача грамматики как раздела общего языкознания и состоит прежде всего в определении этих общих принципов.

Самый термин *грамматика* восходит еще к античным временам и не отражает существа ее предмета. Термин этот происходит от греч. *γραμματική τέχνη* — „письменное искусство“ (от греч. *γράμμα* — „буква“) и указывает на практический характер этой дисциплины в древности (она имела целью научить правильно писать и правильно понимать письменный текст).

Разработка грамматики начинается (независимо друг от друга) в двух культурных странах древнего мира — в Индии и в Греции. Разработка грамматики в Индии была вызвана определенными религиозными потребностями, поскольку религия тогда (в рабовладельческом обществе) играла очень большую роль. По правилам господствующей в Индии браминской религии богослужение с давних времен осуществляется там на древнеиндийском языке — санскрите, который некогда был живым языком, но перестал употребляться еще за несколько веков до н. э. Между тем, согласно правилам браминской религии, текст должен был передаваться при богослужении точно, даже в фонетическом отношении. В связи с этим санскрит подвергается грамматической разработке.

Крупнейшим грамматистом древней Индии был Пáнини, живший в IV или III в. до н. э. От него осталась обширная и вместе с тем чрезвычайно сжатая и точная грамматика, содержащая около четырех тысяч правил. Она дает полное представление о морфологическом строе (склонении, спряжении, словообразовании) и звуковой системе санскрита. Синтаксис как у Панини, так и в последующей индийской грамматической литературе разработан не был. Кроме Панини, из древнеиндийских грамматиков известен Яска. Данные о времени его жизни расходятся. Некоторые считают его продолжателем, некоторые — предшественником Панини. Панини и Яска открывают обширную грамматическую литературу, охватывающую также средние века.

Начало разработки грамматики в Греции связано с именем знаменитого греческого философа Аристотеля, жившего в IV в. до н. э. Материалом для грамматики служил ему греческий

язык. Грамматика у Аристотеля была теснейшим образом связана с логикой. Он положил начало разработке учения о частях речи, о падежах и некоторых других грамматических категориях.

В дальнейшем грамматику разрабатывают стоики (Хрисипп и др.). Они рассматривают ее также в связи с логикой. Стоики развили учение о падежах, начатое Аристотелем, определили различные глагольные формы, провели дальнейшую дифференциацию частей речи, разработка которых также была начата Аристотелем (подробнее см. ниже). Многие грамматические термины, принятые современной грамматикой, восходят к стоикам (у нас эти термины приняты в форме, восходящей к латинскому или славянскому переводу с греческого).

Высшего расцвета греческая грамматическая наука достигает в эпоху эллинизма, т. е. в последние века до н. э. и первые века н. э. Центром разработки ее становится Александрия. Грамматика в это время тесно связывается с филологическим анализом текста. В особенности подвергаются анализу поэмы гомеровского эпоса — Илиада и Одиссея, язык которых для греков этой эпохи становился уже мало понятным. Продолжают разрабатываться и уточняться основные грамматические понятия.

Во времени александрийских грамматиков относится спор об аналогии и аномалии, спор о том, можно ли установить в языке строгие закономерности или же в нем все случайно и хаотично. Этот спор сыграл большую роль в развитии языкознания. Виднейшим представителем аналогистов был Аристарх, живший во II в. до н. э. Ученику Аристарха Дионисию Фракийскому принадлежит первая систематическая грамматика греческого языка (написана около 100 г. до н. э.). Аполлоний Дискол, живший во II в. н. э., известен разработкой синтаксиса (также на материале греческого языка).

Под сильным воздействием александрийских грамматиков начинает разрабатываться грамматика в Риме. Положения, выработанные на материале греческого языка, применяются к латинскому языку, который, будучи родственным греческому, по грамматическому строю был достаточно близок ему. При этом римские грамматикологи обращают внимание и на некоторые отличия латинского языка от греческого.

Наиболее самостоятельным из римских грамматиков был Варрон, основной труд которого, «*De lingua latina*», был написан в I в. до н. э. В этом труде содержится много весьма интересных для своего времени теоретических положений, свидетельствующих о том, что Варрон в первую очередь опирался на свойства структуры самого языка, а не на общие и априорные философские рассуждения и очень тонко понимал особенности этой структуры.

Наибольшей известностью среди римских грамматиков пользовался Донат, живший в IV в. н. э. Написанная им латинская грамматика была широко распространена в средневековой Европе, неоднократно перерабатывалась и служила образцом для грамматик различных живых западноевропейских языков. Эту грамматику перевел на церковнославянский язык Дмитрий Герасимов, прозванный Толмачом, служивший переводчиком при Василии III (в 1522 г.).

Особенностью грамматических руководств античного мира, а частью и средневековых было то, что их авторы не имели ясного представления о различиях грамматического строя разных языков и полагали, что одна и та же система, выработанная на основе греческого или латинского языка, может быть применена к изучению любого языка, что одни и те же грамматические категории могут быть обнаружены во всех языках. При разработке западноевропейских языков опирались главным образом на нормы латинского языка, а при разработке грамматики в славянских землях и на Руси — главным образом на нормы греческого языка¹. В таких грамматиках, особенно у наиболее самостоятельных и наблюдательных грамматистов, сквозь чуждую строю данного языка систему изложения неизбежно прорывались особенности, характеризовавшие соответствующие живые языки. Как античная, так и средневековая грамматика носила в первую очередь нормативный характер, в ней не было исторической перспективы.

Однако со времени крестовых походов и оживления сношений с Ближним Востоком, а особенно со времени великих географических открытий, расширяется круг языков, с которыми приходится иметь дело. Вместе с тем оживляется разработка живых языков Европы. Все это требует выработки общих принципов грамматики, применимых к различным языкам, а также учета тех грамматических особенностей, которые могут встретиться в языках различного грамматического строя. Эти требования вступают в противоречие с положениями грамматики, опирающейся на логический принцип, поскольку логика для всех людей одна и ее законы не зависят от специфических особенностей грамматического строя.

Однако еще в XVII—XVIII вв. делаются попытки создания

¹ Ср также наши старинные печатные грамматики церковнославянского языка, в которых проскальзывают и некоторые особенности живого языка, например «Граматику Словенска съвершеннаго искусства осми частей слова» П. З а н и я. Вильно, 1956; «'Αδελφότης», — «Граматику добροглаголива о еллино-словенскаго языка Совершеннаго искусства осми частей слова». Львов, 1591; известную грамматику М. Смотрицкого (Евю, 1619, переработанное издание — М., 1648); рукописный перевод (скорее переработку) грамматики Доната Дмитрием Толмачом.

единой для всех языков рациональной грамматики, единство которой заключается не в единстве принципов изучения грамматического строя различных языков, а в единстве самих устанавливаемых для различных языков категорий. Классическим образцом такой грамматики является «Grammaire generale et raisonnée» (Грамматика общая и рациональная), написанная в аббатстве Пор-Руаяль (во Франции) в 1660 г. (грамматику эту так и принято называть «Грамматикой Пор-Руаяля»). Авторами ее являются Клод Лансело и Арно.

Большое значение для разработки грамматики имеет первая полная русская грамматика, написанная нашим великим ученым М. В. Ломоносовым («Российская грамматика», СПб., 1755). Она имеет значение не только как первый полный свод правил изменения слов, а отчасти и сочетания слов в предложении вновь формирующегося русского литературного языка на живой национальной основе, но замечательна для своего времени и в теоретическом отношении. В ней мы находим интересные указания на специфические особенности, отличающие русский язык от ряда других языков, а в качестве введения к ней излагаются некоторые общие положения, с материалистических позиций освещающие проблему отношения языка, мышления и действительности. Интересно, что, хотя у Ломоносова отражается логический принцип, характерный для грамматических теорий той эпохи, тем не менее он стремится исходить из структурных особенностей языка, особенно в черновых материалах к грамматике при изложении положений, не разработанных еще окончательно и не включенных поэтому в текст грамматики.

Логический принцип продолжает господствовать в грамматических трудах и в первой половине XIX в. Наиболее яркое выражение его мы находим в грамматике Беккера (1836 г.), считавшего, что поскольку логические категории являются всеобщими, то и грамматические категории должны быть одними и теми же для всех языков, а разные языки отличаются друг от друга лишь звуками.

На логический принцип опирается и первая историческая грамматика русского языка, написанная Ф. И. Буслаевым². Однако, поскольку эта грамматика посвящена историческому объяснению различных форм русского языка, в ней нет прямолинейности и того схематизма, который характеризует, например, Беккера.

Реакция против логической грамматики начинается со второй половины XIX века на Западе работами Г. Штейнталя, в России — работами А. А. Потебни.

² Ф. И. Б у с л а е в. Опыт исторической грамматики русского языка, 1858.

Знатор многочисленных языков, принадлежащих к различным семействам, Штейнталь возражает против логических оснований грамматики и стремится построить ее на психологических основаниях, связывая грамматические факты с особенностями человеческого мышления³.

А. А. Потебня дал ряд весьма интересных и ценных конкретных исследований в области развития грамматического строя русского языка и других славянских языков, обосновав в то же время общие принципы, на которых должна строиться грамматика. Исследования его в этой области объединены в четырех томах, два из которых вышли двумя изданиями (второе переработано им самим) при его жизни, третий же и четвертый тома, представляющие собой не окончательно отработанный материал, но в то же время весьма ценные и интересные по своему содержанию, были выпущены уже после смерти автора⁴.

Развитие грамматического строя Потебня связывает с развитием человеческого мышления, грамматику он строит на семантическом принципе, не уделяя в то же время достаточного внимания структурным формам языка. Впрочем, упор на семантический принцип выступает главным образом в общетеоретических рассуждениях Потебни, при исследовании же конкретных языковых явлений он фактически уделяет большое внимание и структурным формам языка. Общая идеалистическая концепция Потебни помешала ему правильно решить проблему отношения языка и мышления в их развитии, хотя бы применительно к русскому языку.

На рубеже XIX—XX вв. появились теоретические работы русского лингвиста академика Ф. Ф. Фортунатова. Он строил грамматическую систему, последовательно исходя из структурных отношений самого языка⁵. Грамматическая концепция Ф. Ф. Фортунатова оказала сильное воздействие на последующее развитие грамматических идей как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Ему принадлежит разработка общего учения о грамматической форме, разграничение форм словообразования и словоизменения, принципы классификации слов на основе структурно-морфологических признаков и многое другое.

Последующие русские грамматисты как дореволюционной, так и советской эпохи продолжают в основном линию или Фортунатова или Потебни, иногда стремясь эклектически объ-

³ Н. Steinhalt. Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Prinzipien und ihr Verhältniss zueinander. Berlin, 1855.

⁴ См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, тт. I—II, 1888; т. III, 1899; т. IV, 1941.

⁵ См. Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, тт. I—II. М., 1956.

единить концепции того и другого, как это имело место, например, у А. М. Пешковского. Это представляет несомненный недостаток системы А. М. Пешковского, несмотря на наличие в его трудах большого количества ценных конкретных наблюдений в области синтаксиса, а отчасти и морфологии русского языка⁶.

Самостоятельную грамматическую систему на логико-психологических основаниях с учетом в то же время языковой формы пытался построить наиболее талантливый ученик Фортунатова, академик А. А. Шахматов⁷.

Излишне прямолинейно продолжалась фортунатовская линия в работах М. Н. Петерсона⁸.

Семантическая линия отражается в трудах талантливого, но порой субъективного в своих грамматических построениях академика Л. В. Щербы.

Семантической стороне грамматических явлений большое внимание уделяет современный советский грамматист академик В. В. Виноградов.

Ничего ценного в области разработки грамматики не создал основоположник так называемого «нового учения о языке» академик Н. Я. Марр, считавший грамматику пустой «формальностью», а людей, признававших грамматический строй основой языка, — формалистами. Его построения, пытающиеся вскрыть генезис различных грамматических категорий и связать их с развитием общества и производства, носят грубо вульгаризаторский характер.

Много писал по вопросам грамматики наиболее видный из учеников Н. Я. Марра, академик И. И. Мещанинов, пытавшийся самостоятельно разрабатывать применительно к области грамматики общие положения учения Н. Я. Марра. Его исследования, содержащие богатый конкретный материал по различным языкам, в теоретическом отношении вызывают, однако, серьезные возражения (см. ниже).

Во время лингвистической дискуссии весной 1950 г. учение Н. Я. Марра и его последователей было подвергнуто глубокой и всесторонней критике.

И. В. Сталин, принявший участие в дискуссии, опубликовал в «Правде» от 20 июня 1950 г. статью под заглавием «Относительно марксизма в языкознании», вошедшую затем в его работу «Марксизм и вопросы языкознания». В этой статье содержатся ценные, четко и просто сформулированные мысли по основным вопросам грамматики.

⁶ См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., 1956.

⁷ См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, 1941.

⁸ См. М. М. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923.

§ 2. Исследуя грамматику любого языка, мы должны опираться на определенные материальные различия, существующие в языке. Исследуя слово в грамматическом отношении, мы должны опираться на те изменения, которые имеют место в словах, т. е. на материальные различия в формах слов. Так, например, мы можем говорить о склонении, об изменении слова по падежам, применительно к русскому языку лишь потому, что слова изменяются по таким формам, как *стол — стола — столу* и т. д., *дом — дома — дому* и т. д. Если бы таких изменений не было, мы не могли бы говорить о наличии в русском языке форм склонения, падежей. Каждое из указанных изменений что-то обозначает, имеет какое-то значение, и мы должны изучать эти значения, но мы не должны изучать эти значения вне их выражения определенными формами.

Исследуя предложение, мы не вправе изучать лишь его содержание, мысль, а должны рассматривать также его структурные формы, т. е. способы сочетания слов в предложении, и лишь через исследование этих сочетаний идти к исследованию того, что они выражают (подробнее см. ниже).

Отрыв от материальной формы, от структурных средств языка неизбежно приводит к субъективному, не опирающемуся на факты исследованию употребления соответствующих форм. Семантическая сторона любого языкового явления должна быть исследована, но в связи со структурными средствами, выражающими соответствующую семантику. Однако увлечение семантической стороной языка при недостаточном внимании к структуре привело академика И. И. Мещанинова к созданию теории «понятийных категорий», под которыми он понимал некоторые смысловые категории, существующие в мышлении народов, говорящих на самых различных языках, и выражающиеся самыми различными средствами, как лексическими, так и грамматическими⁹.

Самое понятие «понятийные категории» не было вновь открыто И. И. Мещаниновым. Оно было заимствовано им у известного датского лингвиста О. Есперсена¹⁰. Ошибка Мещанинова была не в том, что он вообще пользовался этим понятием.

Одно и то же содержание мысли, одни и те же понятия и их отношения действительно могут быть адекватно переданы на самых различных языках (мы это постоянно видим на примере перевода с одного языка на другой). Соответствующее содержание мысли, по-разному передаваемое на различных язы-

⁹ См. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.

¹⁰ См. О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 57—60.

ках, может быть названо *понятийной категорией*. Так, например, поскольку понятие принадлежности какого-либо предмета какому-либо лицу может быть выражено на самых различных языках (ср. русск. *дом моего отца*, франц. *la maison du m père*, англ. *my father's house*), можно говорить о *понятийной категории принадлежности*. Но передается эта понятийная категория, как мы видим, на разных языках различными способами (по-русски — родительным падежом существительного, причем согласованное с этим существительным притяжательное местоимение также стоит в родительном падеже, по-французски — посредством предлога, а существительное и притяжательное местоимение не изменяются, по-английски — родительным падежом существительного, стоящим впереди существительного, обозначающего принадлежащий предмет, при неизменяющемся местоимении). Эта понятийная категория может быть передана различными способами даже на одном и том же языке. Ср. русск. *дом отца* и *отцовский дом*, *книга Вани* и *Ванина книга*.

Исследование «понятийных» категорий представляет определенный интерес как в теоретическом, так и в практическом отношении. Работа в области перевода с одного языка на другой посредством электронных вычислительных машин показала, что, по ряду соображений, целесообразно осуществлять перевод не непосредственно с данного конкретного языка на другой данный конкретный язык, а через посредство некоторого общего для всех языка-посредника, на который осуществляется перевод текста с любого данного языка и с которого затем осуществляется перевод на другой данный язык. По-видимому, наиболее целесообразным является не использование в качестве языка-посредника какого-либо из конкретных существующих языков, а создание искусственного языка. Такой язык должен обладать обозначенными определенным образом своего рода «понятийными категориями», по-разному передаваемыми в различных конкретных языках.

Ошибка Мещанинова состоит в том, что он эти понятийные категории считал категориями языковыми и даже свойственными отдельным конкретным языкам. Ясно, что при таком подходе к фактам языка исследование грамматической структуры подменялось исследованием «понятийных категорий», характеризовавших лишь содержание выраженной мысли, а не язык. В грамматическом же исследовании идти по такому пути нельзя.

Вместе с тем, исследуя форму, мы все время должны иметь в виду, что она что-то выражает, и исследовать ее значение, причем в задачу исследования грамматической стороны языка входит как рассмотрение отдельных конкретных случаев, так

и определение общего характера значений, выражаемых грамматической формой.

Специфическим для грамматики любого языка является ее обобщающий, абстрагирующий характер. Любая языковая форма представляет обобщение, абстракцию. Как указывает В. И. Ленин, «в языке есть только *общее*»¹¹. Любое слово языка (если это только не имя собственное), название единичного предмета, что-то обобщает. Так, например, слово *дом* или *стол* обозначает не какой-либо конкретный дом или стол, а любой дом или стол, дом или стол вообще. Слова *дом* и *стол* оформляют соответствующие понятия, сложившиеся в человеческом сознании в результате отвлечения некоторых общих свойств, характеризующих ряд однородных предметов действительного мира, и отбрасывания различных индивидуальных свойств, характеризующих каждый отдельный из этих однородных предметов. Так, например, слово *дом* обозначает и каменный и деревянный дом, и двух- и трехэтажный дом и т. д., вообще любой предмет из ряда однородных, общим для которых является то, что это помещение для людей, созданное человеком, а не искусственно приспособленное для жилья или для работы.

Без обобщения не могло бы быть языка, так как люди не смогли бы понимать друг друга, если бы каждый новый предмет, с которым приходилось бы сталкиваться человеку, даже если бы он был, как две капли воды, похож на уже известный, приходилось называть новым словом: такого огромного количества слов человек просто не смог бы запомнить.

Граматику характеризует абстракция, обобщение еще более высокой степени, обобщение, качественно отличное от того, какое лежит в основе любого слова (если это не название единичного предмета), хотя и не отделенное, как увидим дальше, непроходимой стеной от обобщения, заключенного в слове. Это отличие состоит в том, что в словах выражаются некоторые *понятия*, в грамматике же мы имеем дело с *отношениями*, связывающими эти понятия. Рассмотрим следующий пример. Для грамматики русского языка характерно изменение существительных по падежам, выражающее различные отношения соответствующих существительных к другим словам в предложении (точнее, в словосочетании, которое в свою очередь является составной частью предложения). Каждый падеж выражает ряд отношений. Ряд отношений выражает и родительный падеж. В числе этих отношений находится также отношение принадлежности одного предмета другому. Если мы возьмем такие словосочетания, как *дом отца* и *книга брата*, то в обо-

¹¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 258.

их случаях формы род. п. *отца* и *брата* указывают, что лицам, обозначаемым словами *отец* и *брат*, что-то принадлежит. Для грамматики несущественно, какое лицо (даже в отвлечении от его индивидуальных свойств) является владельцем, для нее существенно лишь то, что принадлежность, представляющая некоторое отношение между предметами, выражена такой-то формой, таким-то изменением слова, в данном случае особым окончанием (-а). Окончание род. п., служащее для выражения определенного отношения существительного к другим словам, в русском языке для разных существительных различно, поскольку одной из особенностей грамматического строя русского языка является наличие нескольких типов склонения существительных. Ср., например, *книга сестры*. Это обстоятельство указывает на весьма сложные отношения, существующие между грамматическим строем и словарным составом языка. Но и эти различия в окончаниях, выражающих одни и те же отношения, не зависят от конкретного значения соответствующих слов. В каждое из склонений входят весьма разнообразные по своему значению существительные.

Рассмотрим другой пример. Возьмем такие предложения, как *Мальчик читает книгу* и *Землекоп копает канаву*. В каждом из этих предложений выражено лицо, его действие и объект, на который это действие направлено. Каждое из этих предложений содержит в себе два словосочетания (о словосочетании подробно см. ниже, стр. 71—72). В первом словосочетании каждого из предложений посредством именительного падежа существительного и согласованной с ним личной формы глагола выражено отношение между лицом и его действием (*мальчик читает*, *землекоп копает*), во втором словосочетании посредством глагола и винительного падежа существительного выражено отношение между действием и его объектом (именно объектом, подвергающимся полному охвату действием, так как в случае неполного охвата был бы другой падеж). Для грамматики и здесь совершенно безразлично, о каком действующем лице, действии и объекте идет речь. Для нее существенна лишь форма слов, словосочетаний и предложений и то, что эта форма выражает.

Приведенные примеры показывают, что в грамматике нам приходится иметь дело с выражением отношений между словами, представленными в обобщенном, отвлеченном виде, независимо от того, каковы конкретные значения слов (в свою очередь представляющие, как мы видели, результат отвлечения, обобщения), сочетающихся в предложении. И. В. Сталин удачно сравнивает абстрагирующий характер грамматики с абстрагирующим характером геометрии, также отвлеченной от конкретных отношений каких-то конкретных

предметов и рассматривающей эти отношения как отношения тел вообще, лишённые всякой конкретности¹².

Абстракция, с которой нам приходится иметь дело в грамматике, не есть создание научной мысли лингвиста. Грамматика любого языка с обобщенным характером отношений, выражаемых в изменении слов и сочетании слов в предложении, существовала задолго до того, как ее стали научно разрабатывать ученые лингвисты. Есть языки, грамматический строй которых и сейчас еще как следует не изучен. У каждого из них есть своя грамматика со своими законами обобщения. Задача науки состоит в том, чтобы описать эту грамматику. Грамматическая абстракция, проявляющаяся в любом языке, опирается на обобщающую способность человеческого мышления, развивающегося в связи с развитием человеческого общества.

В различное время создавались различные описания грамматического строя отдельных языков. Эти описания давали более или менее приближенное представление о том, что в действительности есть в соответствующем языке, о том, какова в действительности его грамматика. Задача ученого-грамматиста состоит в том, чтобы наиболее точно, наиболее адекватно отразить то, что есть в языке. Даже несовершенные описания обычно в какой-то мере отражают то, что есть в языке, и бывает, что, внося в них определенные коррективы, можно создать более точную картину строя языка.

Так, многие грамматики французского и английского языков до последнего времени во многом следовали традиции античных грамматик и приписывали французскому и английскому языкам те формы, которые были свойственны латинскому языку. Они приписывали им, например, падежи, которые были характерны для латинского языка, хотя те отношения, которые в латинском языке выражались падежами существительных, во французском и английском языках выражаются сочетанием существительных с предлогами. Однако на основании того материала, который приводится в этих грамматиках, можно видеть, что их изложение дает лишь приблизительное представление о том, что есть в языке, и необходимо иметь более точное изложение. Вполне же точное и адекватное действительности описание может быть дано лишь на основании непосредственного исследования материала.

§ 3. Основными разделами грамматики являются морфология и синтаксис. Объект изучения морфологии — это изменение слов, т. е. форма, структура отдельных слов, объект изучения синтаксиса — сочетание слов в предложении, т. е. форма,

¹² См. И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 24.

структура словосочетаний и предложения. Изучение структуры слов, словосочетаний и предложений неразрывно связано с изучением тех значений, которые выражает соответствующая структура. Само название разделов грамматики указывает на основной объект изучения этих разделов.

Морфология — от греческого *μορφή* — «форма», *λόγος* — «слово, понятие» — значит «учение о форме», *синтаксис* — от греческого *σύνταξις* — «сочетание» — значит «учение о сочетании слов».

Оба эти раздела теснейшим образом связаны между собой, вследствие чего при рассмотрении различных морфологических вопросов часто приходится обращаться к синтаксису, и наоборот, при рассмотрении различных синтаксических вопросов часто приходится обращаться к морфологии. *Морфология изучает изменения слов. Изменения же слов, разные их формы выражают различные отношения между словами в предложении (точнее, в словосочетании), а изучение предложений и словосочетаний составляет объект синтаксиса. В то же время формы словосочетаний, составляющие объект синтаксиса, во многих случаях характеризуются формой слов (т. е. изменением слов), составляющих словосочетание, а изучение формы слов является объектом морфологии.*

Некоторые лингвисты полагают, что можно говорить о некоторых основных значениях форм слов (например, различных падежей) чисто в морфологическом плане, не обращаясь к синтаксису¹³. В действительности же любые значения, свойственные формам слов (например, падежу), могут быть выведены лишь на основании исследования словосочетания, в которое входит соответствующая форма.

При изучении фактов языка мы должны помнить о теснейшей связи этих разделов и в то же время строго их разграничивать, каждый раз определяя, к какой грамматической области, на основании чего и в какой мере относится каждое рассматриваемое явление.

Грамматика в целом образует лишь одну из сторон языка. Она в свою очередь теснейшим образом связана с другими сторонами языка — с *словарным составом* и *фонетикой*. Любой язык характеризуется *словарным составом*, под которым понимают всю совокупность слов данного языка, но сам словарный состав еще не составляет языка. Язык служит для об-

¹³ См., например, Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением, American Contribution to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September, 1958; ср. также «Творительный падеж в славянских языках». Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958, стр. 29—30.